

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Горецкой Екатерины Михайловны «Сравнительный контент-анализ воспоминаний бывших заключенных ГУЛАГа: профессиональный, гендерный и хронологический аспекты», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 — Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Исследования ГУЛАГа как одного из специфических институтов, созданных в рамках так называемого советского проекта, долгое время являлись одной из приоритетных тем отечественной историографии постсоветского периода. В какой-то момент даже возникла иллюзия, что тема эта практически изучена и что профессиональное сообщество отечественных историков от нее устало. Кроме того, ГУЛАГ как объект специального научного интереса быстро «побледнел» на фоне изменения самого подхода к исследованию советского прошлого. Изменение это было связано с отказом от трактовок советского опыта в рамках жесткой дихотомии «власть — народ» и очевидным дрейфом сначала зарубежной, а затем и отечественной историографии в сторону рассмотрения всего советского как суммы действий/взаимодействий/противодействий самых разных исторических акторов, как массовидных, так и индивидуализированных. Ставшие классическими в связи с этим работы зарубежных и российских специалистов (см.: Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М.: НЛЮ, 2002; 320 с.; Пинский А. После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб статей / под ред. А. Пинского. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 454 с.; Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности / изд. 2-е. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 508 с.; Халфин И. Синтаксис большевистского субъекта // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 403–408; Хелльбек Й. Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. М.: НЛЮ, 2017. 424 с.; Kotkin St.

Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.; и др.) также способствовали концу эпохи так называемой нейтральной истории (см.: Хлевнюк Д. Конец нейтральной истории // InLiberty: Устройство свободы. 2017. 15 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.inliberty.ru/blog/2576-Konec-neytralnoy-istorii> (дата обращения: 20.02.2024), актуализировав проблему перехода в изучении советского прошлого от стадии накопления материала к стадии его вдумчивого анализа.

Эта стадия — стадия вдумчивого анализа источников по истории советского прошлого, из которого никак не получится исключить историю ГУЛАГа, — пока еще не закончилась, в связи с чем появление диссертационного исследования Е.М. Горецкой «Сравнительный контент-анализ воспоминаний бывших заключенных ГУЛАГа: профессиональный, гендерный и хронологический аспекты» стоит только приветствовать.

Первое, что обращает на себя внимание при знакомстве с диссертацией, — это ее сложносочиненное название, которое обещает многомерное исследование заявленной тематики. Структура исследования при этом и вовсе выглядит слишком дробной, что, как известно, может быть истолковано двояко. Дробность, с одной стороны, может быть проявлением дефицита рефлексии, а, с другой стороны, может свидетельствовать о глубоком понимании автором исследуемой проблемы и об аналитической зрелости работы. Диссертация Е.М. Горецкой, включающая 5 глав и 16 параграфов, относится, как представляется, ко второму случаю.

Говоря о структуре диссертации, стоит подчеркнуть ее «докторский» характер, проявляющийся в наличии отдельной главы, посвященной историографии, источникам и методам. Историографическая часть диссертации, что немаловажно, построена не на простом, механическом перечислении тех или иных авторов и их работ. Она четко структурирована на разделы, в которых отдельно рассмотрены: актуальная историографическая

ситуация в рамках изучения истории ГУЛАГа (1), методология и историография применения контент-анализа в исторических исследованиях (2), использование метода контент-анализа при работе с источниками личного происхождения, в том числе мемуарами (3), гендерные исследования, в том числе в области выявления гендерно-языковых различий мемуаристики (4), просопографические исследования (5) и исследования по описанию социального портрета (6). Акцент при этом сделан на наиболее сложных, дискуссионных вопросах, а не на «общих местах», что позволило сделать историографическую часть диссертации и содержательной, и компактной одновременно.

Источниковую основу диссертации составляют воспоминания о ГУЛАГе, представленные нарративными (781 текст) и устными (70 интервью) источниками. Комплекс источников, объединяющий 95 тыс. страниц текста и более 1750 минут видеозаписей, безусловно, достаточно представлен и внушителен, чтобы решить задачи исследования.

Инструменты, которые использованы в диссертации, многократно апробированы в рамках различных исторических исследований, но применительно к заявленной тематике используются впервые. Теория баз данных, с опорой на которую источники были переведены диссертанткой в массив, по сути, позволила ей создать из различных воспоминаний о ГУЛАГе своего рода мета-нарратив, мета-текст, тогда как контент-анализ и связанные с ним аналитические процедуры стали основой для последующей декомпозиции, деконструкции свидетельств бывших узников ГУЛАГа и анализа инвариантных связей между такими свидетельствами. Наряду с мотивным, дискурсивным, нарративным и пр. анализами, которые являются наиболее востребованными средствами (про)чтения личных документов в целом и воспоминаний в частности, контент-анализ, вне сомнения, оказывается наиболее результативным при воссоздании «обобщенных представлений исторических явлений и процессов» [т. 1, с. 31].

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что социальный портрет мемуаристов с их группировкой по тем или иным категориям, системы смысловых категорий и индикаторов, экспонирующие тематику воспоминаний о ГУЛАГе (12 тем), и характеристики корреляций между этими категориями и индикаторами, — то есть все то, что было получено диссертанткой в результате применения прежде всего контент-анализа, — вовсе не превратило данное исследование в чисто статистическое. Показывая, как могут быть устроены воспоминания о ГУЛАГе, диссертантка, в частности, продемонстрировала зависимость их контента от таких характеристик, как пол авторов, род их занятий, возраст на момент ареста, период репрессий, мера наказания и его срок («Приговор»), а также явные отличия между мемуарными источниками и материалами интервьюирования бывших заключенных ГУЛАГа.

В конечном итоге в диссертации подчеркивается: «Проведенный анализ позволяет утверждать, что среди авторов мемуаров наблюдается определенное сходство личностных характеристик, которое, вероятно, обусловлено тем, что образованные, интеллигентные слои населения были одним из объектов целенаправленной репрессивной политики, проводимой в Советском государстве на протяжении практически всей истории его существования. Созданный на основе БД социальный портрет заключенных, а также результаты контент-анализа показывают сходство персональных характеристик авторов мемуаров. Первоначальная гипотеза о наличии существенных различий в текстах мужчин и женщин не подтверждается» [т. 2, с. 22].

Вместе с тем, среди результатов исследования, помимо прочего, следует выделить следующие аргументированные выводы, доказывающие состоятельность его построения по гендерному принципу: «Отмечается тенденция к унификации восприятия лагерного этапа жизни всеми мужчинами вне зависимости от подгруппы, в то время как в подгруппах женщин-заключенных отчетливо видны некоторые особенные, отличительные черты.

Подгруппы мужских текстов, в подавляющем большинстве случаев, практически ничем не отличаются друг от друга — в них прослеживаются лишь генеральные черты восприятия, присущие всем мужчинам» [т. 2, с. 26].

Кроме того, Е.М. Горецкая приходит к важному заключению о том, что «индивидуальные отличия от общих тенденций восприятия нивелируются в тех подгруппах, где больше размеченных элементов. То есть, чем больше текстов попало в группу, тем сильнее черты общего восприятия, “коллективной памяти” заслоняют частные особенности, проявляющиеся в подгруппах» [т. 2, с. 26–27]. Тем самым подтверждается одна из ключевых гипотез ретроспективного источниковедческого исследования, которая основывалась на допущении, «что чем меньше группа, тем ярче в ней по результатам контент-анализа проявляются индивидуальные черты восприятия и трансляции опыта лагерной жизни» [т. 1, с. 48].

Результаты контент-анализа мемуаров и устных воспоминаний трактуются автором как схожие: наиболее часто и в тех, и в других бывшие узники ГУЛАГа вспоминают явления и процессы, связанные с категориями «Работа», «Быт» и «Власть». При этом следует, очевидно, обратить внимание на вывод Е.М. Горецкой о том, что частные отличия в воспоминаниях о ГУЛАГе и материалах устных интервью кроются прежде всего в особенностях устной и письменной речи [т. 2, с. 27].

Очевидной удачей диссертации, не акцентировать внимания на которой просто нельзя, стало соединение организованных в таблицы, графики и диаграммы показателей встречаемости и взаимозависимости тех или иных «индикаторов» тематизации воспоминаний с демонстрацией контекста, в котором они могли использоваться мемуаристами, и смыслов, которые могли стоять за этими «индикаторами». Тем самым обильное цитирование воспоминаний о ГУЛАГе в диссертации, которая, как может показаться на первый взгляд, этого не требует, решает проблему «безлюдности» и

обезличенности исследования, основанного прежде всего на математических расчетах.

Помимо основного текста, работа содержит приложения, которые включают: пример биографической справки [т. 2, с. 140–142], главную таблицу базы данных (основные поля) [т. 2, с. 143–193], пример расшифровки видеointервью проекта «Мой ГУЛАГ» Музея истории ГУЛАГа [т. 2, с. 194–201]. Они, что примечательно, не просто дополняют диссертационное исследование. Они наглядно демонстрируют его «технологию», или, по крайней мере, ее часть, а также некоторые из результатов ее использования.

Среди вопросов и замечаний, которые вызывает диссертация, — а она их вызывает много, — позволю себе остановиться лишь на основных.

1. Автору не совсем удалось обосновать объект исследования. На с. 4 т. 1 диссертации он обозначен как «материалы базы данных “Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы” и расшифровки видеointервью проекта “Мой ГУЛАГ” Музея истории ГУЛАГа», а несколько далее — иначе: «...объектом нашего исследования стали именно воспоминания заключенных, из указанных 1689 документов были отобраны те, что содержат описание лагерной жизни авторами, прошедшими ГУЛАГ» [т. 1, с. 34]. Разница между этими определениями может показаться несущественной, но на самом деле она существенна.

Во-первых, мемуарные тексты и устные интервью — это разные виды источников и интерпретировать их нужно по-разному, тогда как диссертант, позиционируя последние как устные воспоминания [т. 1, с. 2], отказывает им в этой разнице. Она, безусловно, не мешает сравнивать между собой мемуарные тексты и устные интервью, но она мешает понимать природу различий их контента, снижая аналитический градус такого сравнения.

Во-вторых, посвященный источникам раздел диссертации по причине размытости объекта исследования, каковым, конечно же, являются воспоминания, оказался сориентирован не столько на характеристику

сформированного диссертантом источникового комплекса, сколько на описание использованных им баз данных, а также самых общих свойств мемуарной литературы [т. 1, с. 33–41]. Тот самый 781 мемуарный текст, на котором основана работа, оказался охарактеризован лишь условно. Когда были написаны эти самые воспоминания и где географически это происходило? каков возраст авторов использованных воспоминаний? какая часть из них была опубликована? когда и где это происходило? как варьируется их объем? как соотносится та часть их авторов, которые могут считаться профессионально пишущими, с оставшейся частью мемуаристов? все ли воспоминания написаны от первого лица? характерна ли для них стилизация под публицистику, художественную литературу, «наивное письмо»? и т.д., и т.п., — эти и другие принципиально важные для исследования вопросы, ответы на которые могли изменить и его конфигурацию, и его основные выводы, оставлены без ответа.

2. Выбор категорий и индикаторов (лексем и групп лексем), которые использовались Е.М. Горечкой для разметки текстов воспоминаний, в диссертации не прокомментирован [т. 1, с. 43]. В завершающей части исследования в связи с этим замечено, что «и женщины, и мужчины, преимущественно писали о 12 крупных темах — быт, работа, власть, война, дружба, семья, дети, любовь, религия, искусство, смерть, тюрьма» [т. 2, с. 2], однако как это удалось установить, не понятно. Возникает ощущение, что автор диссертации воспринимает воспоминания о ГУЛАГе буквально, как корпус общепризнанных фактов, как бесспорное доказательство того, что было «на самом деле». Но сам текст исследования, обнаруживая обилие эмотивных и оценочных суждений (слова с корнем ужас- встречаются в работе 26 раз, риторика страданий — 30 раз, лишений — 20 раз, страха — 17 раз) призывает искать в них совсем иное, — прежде всего то, как опыт ГУЛАГа оценивался его носителями спустя годы и какие из их оценок можно рассматривать как релевантные.

3. Как уже говорилось выше, исследование Е.М. Горецкой можно только похвалить как очередную попытку использования контент-анализа в исторических исследованиях. Что же касается интерпретации полученных результатов, то она удивляет, — удивляет тем, что в работе, посвященной воспоминаниям (=впечатлениям) о ГУЛАГе, обошлось без использования теоретических оснований *memory studies*, *trauma studies* и истории эмоций (*history of emotions*). Это, как представляется, предопределило тот факт, что авторские попытки объяснить те или иные данные, полученные в результате контент-анализа, не всегда убедительны.

Высказанные замечания, вне сомнения, носят рекомендательно-полемический и где-то даже субъективный характер, будучи продиктованы прежде всего теоретико-методологическими «предпочтениями» оппонента.

Следует признать, что в любом случае материалы и выводы, представленные в диссертации Е.М. Горецкой, имеют теоретическое и практическое значение. Они фиксируют в воспоминаниях о ГУЛАГе главное, — то, что их содержание является одновременно и индикатором групповой принадлежности бывших узников ГУЛАГа, и индикатором размежевания отдельных сообществ внутри группы, связанной общим прошлым.

Основные материалы и результаты диссертации полностью отражены в публикациях автора.

Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию.

Диссертация Е.М. Горецкой отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.5 — Историография, источниковедение, методы исторического исследования (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она

оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Горецкая Екатерина Михайловна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 — Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
и.о. заведующей Лабораторией междисциплинарных
гуманитарных исследований ФГБУН
«Институт истории и археологии Уральского
отделения Российской академии наук»

Суржикова Наталья Викторовна

Контактные данные: тел.: +7-343-374-53-40, e-mail: iia-history@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 07.00.02 — Отечественная история

Адрес места работы: 620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
тел.: +7-343-374-53-40, e-mail: iia-history@mail.ru

Подпись Суржиковой Н.В. заверяю:

Специалист по кадрям

Т.С. Довыкина